

Г. Любарский

Ищем пятую власть?.. Сказки общественного подсознания

Общественное мнение обладает все более властным голосом: его изучают, к нему прислушиваются, и некоторые даже осмеливаются утверждать, что оно — правит... Может быть, это некоторое преувеличение, или же по крайней мере правит оно непрямым образом. Впрочем, разбираться в том, как функционирует современное информационное общество, — отдельная задача. Вдумаемся только — какова *сила* этой власти.

Идеи эпохи — другое имя для того же общественного мнения — самым решительным образом меняют повседневную жизнь.

Вспомним: развитие сети железных дорог в Европе, строительство каналов, создание сети банков новой формации — тех банков, которые произвели “финансовый капитал”, купили множество фирм и стали непосредственно управлять производством (что именуется “слиянием банковской и производительной сфер”), — все это именуется словами “развитие капитализма”, “промышленная революция”. Так вот, Фридрих фон Хайек утверждает, что эти свершения во многом были результатом труда сен-симонистов. Группа сторонников Сен-Симона обозначила для себя общественную цель, пропагандировала ее, разработала комплекс мер, ведущих к общественному благу, — и в результате произошла промышленная революция 1830–1850-х годов. Да, в конечном счете можно сказать, что это сделали *не только* сен-симонисты, но все же их усилия оказались очень значимыми. Ученик Сен-Симона Анфантен говорил о сен-си-

монистах, что они “покрыли землю сетью из железных дорог, золота, серебра и электричества”. Индустриальная революция, по мнению многих исследователей, породила централизованное государство современного типа. Так что нельзя сказать, что идеи Сен-Симона произвели малый эффект...

Сначала идея появляется в мире как личное убеждение немногих людей. Затем некоторые идеи завладевают общественным мнением и преобразуют мир. В социальной сфере властвует “закон Томаса”: то, что люди считают реальным, имеет реальные последствия. Идеи и мнения склонны воплощаться в реальность, и потому столь интересно взглянуть в нашу современность, пытаясь понять, к чему “подготовлено” наше общество, к каким превращениям оно склонно, чего оно подспудно ожидает, что готово принять.

Когда те или иные идеи становятся темой специальных публикаций, входят в программы публичных политиков, приобретают организованные группы сторонников и противников, когда вокруг них образуется “расклад сил” — тогда уже почти поздно.

В поле общественного мнения начинается силовая игра, и социальный проект имеет шансы победить или проиграть в зависимости от “соотношения сил и средств”, как сказал бы человек военный. Когда мнение “уже случилось”, пришлось время проводить опросы и измерять рейтинги.

А что происходит *до того*, как мнение будет провозглашено *urbi et orbi*? Чтобы проникнуть в это “до того”, надо обратиться к самым первым, еще слабо оформленным признакам “нового общественного мнения”. Эти первые ростки новых идей трудно описать с помощью “статистики мнений” и “процента сторонников”: они еще не высказаны на публичном поле, они пока находятся в глубине, в головах у отдельных людей, не оформлены, не приобрели устойчивой терминологии, самоназвания... Они “недостоверны” – и интересны именно как симптомы появления в будущем “готовых” структур общественного мнения, как возможные “точки роста”.

Как же нам заглянуть в социальное подсознание – туда, где еще нет сформировавшихся мнений, где нет еще даже названий, терминов, слов, где звучит задумчивое: “М-мм... Я бы назвал *это*... пожалуй... Нет, не знаю как сказать”? В этих “глубинах” социального мышления еще не работают масс-медиа, формулируя, привлекая внимание, поддерживая, отрицая; туда еще не добрались “идеологические эксперты” и политтехнологи, которые “знают, как” работать с “материалом мнений”, знают, как и что подправить, что растиражировать. Это еще не является *общественным сознанием*. А чем же это является?

Широко известен термин “общественное бессознательное”. Под “общественным бессознательным” К.Г. Юнг разумел набор архетипов, присутствующих в бессознательном

членов некоторого общества. Для Юнга общественное бессознательное – это часть индивидуальных сил бессознательного, скрытого в каждом человеке. Здесь же речь идет совсем о другом: об идеях, которые вполне осознанно высказывают люди. И то, что они высказывают, есть, конечно, не какое-то бессознательное, а вполне сознательная и рациональная идея. Она может оказаться “неверной”, может не быть признанной, но чем она точно не может быть – это “бессознательной”. Это осознанная точка зрения каких-то людей. А что представляет собой эта идея для общества?

Осознанные идеи общественно-переустройства, которых придерживаются отдельные люди, можно назвать “подсознанием об-

Как нам заглянуть в социальное подсознание? В этих “глубинах” социального мышления еще не работают масс-медиа, формулируя, привлекая внимание, поддерживая, отрицая; туда еще не добрались “идеологические эксперты” и политтехнологи, которые “знают, как” работать с материалом мнений

щества”. Его сознанием стоит называть то, что попадает в светлый круг внимания, то, что общество обсуждает и по поводу чего принимает решения. Сознанием общества является знаменитое и властное общественное мнение. Глубоко под ним, под листами газет, виртуальными страницами сайтов, статьями обозревателей – там, внизу, находимся мы, частные люди со своими взглядами, и все вместе образуем подсознание общества.

Одним из путей погружения в это социальное подсознание может быть социологический опрос (точнее, серия интервью), результаты которого, однако, не всегда возможно обработать статистически. Такая специфика материала: в подсознании общества находятся *идеи*, ко-

торых придерживаются различные люди, между собой незнакомые, но думающие одинаково. Когда в случайной выборке респондентов мы встречаем – под разными названиями и в разном оформлении – одну и ту же идею, это и значит, что в подсознании общества появился новый “элемент”. Работать с такими “еще не общественными” мнениями можно с помощью метода “когнитивных схем”. За этим страшным словосочетанием стоит многоэтажная классификация высказываний респондентов.

В 2001 г. Фонд “Общественное мнение” провел серию опросов о судебной реформе, и в частности – ряд интервью с экспертами из разных регионов. Вопросы были исключительно о суде: почему мы

в суд обращаемся (или не обращаемся), что надо изменить в российской судебной системе, об отношении к суду присяжных, к мировым судьям, законам, к правосознанию, соотношению закона и морали...

То, что сказали респонденты о суде, – тема для отдельного разговора. *Образ* суда, как он складывался из ответов респондентов, совсем не похож на реальное устройство этой *институции*, и это само по себе весьма интересно – взглянуть на суд как представление, с которым реально и взаимодействует сознание людей, тогда как “объективное” устройство судебных органов – вещь большинству населения неизвестная.

Так что, речь о суде и законах? Нет, не совсем. Когда респондентов

просили ответить на вопрос о желательном устройстве судов, выяснилась удивительная вещь. Началось все с недовольства существующими деталями судебной процедуры. И вот из сонмища претензий выпросталась идея: нужна вторая линия власти (то есть сейчас она всего одна...). Предлагается создать новую властную иерархию, которая могла бы исправить многочисленные недостатки существующей судебной системы. Эту новую структуру респонденты, разумеется, описывают фрагментарно, но вот какие ее черты можно выделить.

- Центральное подчинение: новая ветвь власти обязательно должна подчиняться только кому-то “на самом верху” – Москве, Кремлю, и ни в коем случае не должна зависеть от местных органов власти.
- Органы на местах: это должна быть весьма разветвленная структура, отделения которой должны быть представлены очень широко.
- Характер: лучше всего он определен высказыванием “нужна иерархия духовной власти”.
- Воспитание парламентариев: у новой ветви власти должен быть совещательный голос в законотвор-

на то, чтобы изменить мораль в обществе”.

- Воспитание народа, пропаганда знания законов (“нужен назначаемый государством орган разъяснения законов”, “нужно создать систему традиций, чтобы уважение к закону передавалось на генетическом уровне”, “нужен особый орган, который следит за распространением примеров послушания закону, все должны с детского сада и дальше, школы и института, усваивать, что выполнять законы выгодно, чтоб мораль и закон не расходились”).

- Воспитание средств массовой информации, в случае надобности – введение цензуры.

- Формирование общественного мнения.

- Разъяснительная работа с судьями и право отмены некоторых судебных решений.

Что же это за список такой? Получается, что выше перечислены функции нового органа власти или новой ее ветви. Но что это такое, как ее назвать, чему уподобить – эту новизну, необходимую, по мнению респондентов, в нашем государственном устройстве? Приведенный набор

Нужна вторая линия власти (то есть сейчас она всего одна...). Предлагается создать новую властную иерархию, которая могла бы исправить многочисленные недостатки существующей судебной системы

в органах, влияние на депутатов (вплоть до их отставки), потому что “законы должны писать нравственные и моральные люди – для аморальных людей”.

- Коррекция законов этой ветвью власти: “основой закона должна быть справедливость”, “закон, как правило, должен строиться на основе принципов общепринятой морали”, “передовой закон направлен

признаков напоминает нечто хорошо знакомое. Как кажется на первый взгляд, речь идет об идеологической власти партии, о “всенародной” партийной организации. Таково первое впечатление “человека политического”, привычным усилием ума срывающего маски. Однако я бы предложил не торопиться. Конечно, может так случиться, что из-под маски покажется привычно-противное лицо,

но, возможно, то, что приняли за маску, в действительности никакой маской не является. Разоблачитель, ухватившись пятерней за чью-то совершенно реальную бороду, попадет в неловкое положение.

Речь у нас идет об идеях, о том, что не спрятано, отчетливо высказано, сделано очевидным. Это не потемки бессознательного, где каждому предлагается отыскать кошку желаемого цвета. Кроме того, наши респонденты – представители интеллектуальной элиты, люди, имеющие отношение к судебным инстанциям: адвокаты, судьи, юристы. Почему мы должны подозревать, что они сказали не то, что хотели, что они утаили свои истинные мысли? Может быть, стоит иметь дело с тем, что они говорят, а не с тем, что в их словах можно заподозрить?

Эти люди, разумеется, не понаслышке знают о роли партии в советском государстве. Но ни один из них, говоря об этой “новой власти”, не упомянул о руководящей роли партии. Вместо того чтобы использовать это клише, респонденты довольно мучительно пытались выразить какой-то новый смысл, сказать то, что еще не известно, чему еще нет названия. Новое приходит в нашу жизнь без имени, и адамы называют предстоящее перед их умственным взором новое социальное существо: “нужна специальная организация для разъяснения законов, назначенная правительством, в среде общества “Знание”, “введение института адвокатов, которые бы назначались, которые были бы как на государственной службе”.

И – last, but not least – звучит еще определение: “церковь, может быть...”, “нужна вторая линия власти – еще духовная власть, церковь”.

Слово сказано. Судебная власть – волокитная, зависящая от местных властей, коррумпированная и несправедливая (такой она представ-

ляется респондентам), должна быть поставлена под контроль “нравственной организации”.

Конечно, нельзя принимать церковь как готовое определение чаемой духовной власти. Готовым оно может стать, только поднявшись на уровень общественного сознания. И все же важно, что респонденты нашли именно это слово. Может быть, дело в том, что владычество КПСС в идейной сфере длилось семь десятков лет, а владычество церкви – столетия? Во всяком случае, у нас нет достаточных оснований думать, что высказана идея-маска, очень может статься, что церковь – идея-настоящее лицо. То, что человек говорит в здравом уме и твердой памяти, заслуживает быть услышанным так, как оно высказано.

Это что, церковь власти хочет? Тут важно подчеркнуть: приведенные выше сведения неверно и поспешно было бы понимать так, что люди ждут от церкви новых “политруков”. Тот, кто хоть немного знает современную православную церковь, подтвердит, что нет ничего более далекого от ее желаний, чем стремление взвалить на себя реальную власть над общественными институтами: курировать парламент, наставлять прессу, руководить судами – и быть ответственной за законы, публикации, судебные решения.

Вернее было бы сказать иначе: некоторые люди ожидают и желают появления идейного контроля в обществе; они хотят, чтобы вырос моральный уровень людей, духовного просвещения, духовного закона, который главенствовал бы над омертвившими социальными механизмами суда, законотворчества. Люди еще не знают, кто должен осуществлять этот духовный контроль, и церковь выступает только как один из кандидатов на эту роль. Это – еще не общественное мнение. Это еще не высловлено и еще не пред-

ставлено обществу. Это – тот ингредиент, один из многих, который потом войдет (или не войдет) в круг могучего и обязывающего общественного мнения.

Итак, ясно, что роль, предложенная нашими респондентами церкви, саму церковь не привлекает, – но не хочет, чтобы она выполняла эту роль, и суд; от “духовной” цензуры в ужасе

Новое приходит в нашу жизнь без имени, и адамы называют предстоящее перед их умственным взором новое социальное существо: “нужна специальная организация для разъяснения законов, назначенная правительством, вроде общества “Знание”, “церковь, может быть...”, “нужна вторая линия власти – еще духовная власть, церковь”

отшатнется свободная пресса; и законодатели, при всем уважении, не потерпят реального контроля церковных иерархов, приставленных блокости нравственность их решений. Власть никто не хочет отдавать, а церковь не согласна эту власть принять, даже если предложат. Так кто же этого хочет? В том-то и дело, что из общественных институтов – никто. И в этом нежелании согласиться с мыслью о “духовной иерархии”, контролирующей и направляющей чуть ли не все проявления всех четырех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной и медийной – при том, что наши респонденты уверенно полагают все эти четыре ветви единой властью), – проявляется “подсознательный” (для общества) характер этой идеи.

Особенное внимание стоит обратить на то, что идея о такой духовной иерархии была высказана различными людьми без предварительного обсуждения при ответе на столь, казалось бы, далекий от этой темы вопрос, как вопрос о судебной реформе. Формулировки вопросов не содержали ничего, связанного с

церковью, никаких намеков на необходимость властной духовной иерархии – но идея была высказана. Если угодно, вопреки направленности дискурса, вопреки общей теме опроса.

Представляется, что такие проговорки, позволяющие заглянуть в “подвалы” общественного мнения, позволяют всерьез задуматься

о происходящем. В самом деле, что бы это значило? Принято считать, что чуть ли не все в обществе кому-то выгодно. А здесь – никому не выгодное предложение. Или все же есть “заинтересованные стороны”? Или стоит принять, что есть вещи, не купленные на корню?

Раз подсознание, раз это наше общественное подсознание, то первый “комплекс”, который приходит в голову.. Возникает такая аналогия: победу большевиков в 1917 году во многом обусловил *духовный* вакуум, когда некую идею, обладающую не столь уж большим числом сторонников, буквально “всосало” в сознание общества – всосало оттуда, из социального подсознания, где она немирно пребывала. Ну что ж, аналогия как аналогия, вполне обычный у нас сегодня комплекс, можно начать и с него.

Разговор о мировоззренческом вакууме, возникший в связи с этой непрошено высказанной идеей духовной иерархии, приводит к теме образования, науки и современной картины мира. Принято считать, что в светском государстве уровень

культуры народа, а уж тем более – культуру господ судейских и господ законодателей – должна поддерживать система образования, среднего и высшего. Эта система образования должна вырабатывать – с помощью современной науки, разумеется, – научную картину мира, некое мировоззрение, которое и должно давать людям требуемые ценности и моральные нормы.

Все происходящие преобразования, реформы и контрреформы общественное подсознание в соответствии с неоформленной еще потребностью будет оценивать: а насколько это приближает нас к тому еще не вполне ясному образу общества, который мы выразить не можем, но чувствуем?

И вот мы застаем это удивительное противоборство – в одном из ответов чаемая духовная иерархия обозначена как что-то вроде общества “Знание”, в других ответах – как церковь. Кто победит, общество “Знание” или церковь, объяснять не надо. А задуматься – стоит: чем же обеспечивается ценностная система общества, кто же выступает “гарантом” моральных ценностей?

Также можно вспомнить, что картина мира, мировоззрение современного человека – его личное дело. Да, это по ведомству системы образования, это к науке и культуре вопрос – но знаете, вопрос не очень серьезно поставленный. Ну нету у них принятого мировоззрения, ну не разработала современная наука грамотной системы убедительных моральных норм. Гражданин сам должен обеспечить себя моральными ценностями в требуемых его бытием размерах. И вот у ряда граждан возникает впечатление, что самому – не получается, и просят они духовной иерархии, окормляющей их готовыми миро- и жизневоззрениями.

Как это понимать? Науку опять упрекают в безнравственности? Нет, не

так... В бесчисленный раз произносить нечто суровое по поводу просвещения, безбожия, бездуховности, слабости современной науки – дело безнадежное. Но все равно придется посмотреть этой вышедшей из подсознания общества идее в лицо: она ведь, эта идея, говорит об общественной реформе... Может, и не дойдет эта идея до сознания, может, так и останется в отдельных головах,

бесшабашных и респондентских, – а вдруг нет? Вдруг вакуум, у нас имеющийся, снова всосет, и нам придется самым серьезным образом ответить на этот вопрос: где тот социальный институт, который займется о здоровом развитии общества – моральном? духовном? И что пренеприятно: постмодернизмом здесь не отобьешься – масть не та.

Вот и возникла еще одна сторона вопроса. В самом деле, церковь всю предлагаемую ей власть не возьмет – и это означает, что чаемая духовная иерархия невозможна. Не будет общества “Знание”, многознающие и высокоумные лекторы которого наставили бы на путь истинный граждан, и церковные иерархи не пойдут в “обезьянники” убеждать народ – не пить, ментов – не бить, а судей – жалеть. Значит ли это, что можно быть совершенно спокойным: возникшая в подсознании общества идея не имеет шансов стать сознательной, ей отведено тихое тлеть в кухонных разговорах?

Может статься, что не все так спокойно. Совершенно очевидно, что идея о разветвленной, мощной, властной духовной иерархии не исчер-

пывается совокупностью “бытовых” мотивов. “Бытовыми” мотивами мы назовем здесь “ближние пользы”: чтоб народ выучить законы знать, чтоб суд справедливый, чтоб законы, значить, добрые, а не черт-те что, чтоб телевизор можно было ребенку четырнадцатилетнему показывать, а то ить такое кажут, что ражего мужика вывернет... Это – пользы ближние, и ясно, что авторы идеи о духовной иерархии хлопочут об этом; и так же отчетливо ясно, что – не только об этом.

О чем идет речь, намекает уже оборот: *вторая* ветвь власти. Значит, все имеющиеся у нас власти, все устройство общества в целом, от последней детали и до общего образа, – все это общественное устройство представляется неполным, недостаточным.

Ему не хватает духовности. Это стремление к духовности ведет к совсем иному общественному устройству, нежели существующее. И было бы крайне интересно расшифровать – что же за общество грезится подсознанию общества?

Не стоит торопиться, скептически обзываясь “кисельными берегами” и относя все сказанное по ведомству пустых мечтаний. Речь не о сложившейся теории, не о программе реформ – речь о том, чего, может статься, общество всерьез *хочет*. И значит, все происходящие преобразования, реформы и контрреформы общественное подсознание в соответствии с неоформленной еще потребностью будет оценивать: а насколько это приближает нас к тому еще не вполне ясному образу общества, который мы выразить не можем, но чувствуем?

И все же я не торопился бы утверждать, что речь идет только и именно о церкви. Будь это вопросом публичных прений – решилось бы мгновенно: шелк, и нет мысли об обществе “Знание” или коллегии адвокатов – церковь победила. Но это –

при прочих равных, а ведь начались такие публичные прения, могут объявиться и те, кто равнее. Впрочем, это к слову. Ведь не публично мы это обдумываем, а спокойно размышляем. Речь вроде бы именно о духовности – широком понятии, которое берет многое из того, что сейчас зовут “культурой” (может, без спорта и СМИ, и еще как-то подправленной должна быть эта культура? кто б подсказал); речь о просветительской деятельности ученых, о науке и образовании – но, может, не таких, какие сегодня имеются, а о такой науке речь, которая бы жизненные ориентиры давала...

Нет пока такой науки. А возможна она в принципе? Можно ли ее создать? Как сегодняшнюю изменить, чтоб такая ценная и дающая мировоззрение наука появилась? Или все же наука этого совсем не умеет, хоть ее на бок положи, хоть на голову ставь? И тогда... Тогда – что ж, возвращаемся к религии? Светское государство выделяет в себе особую мировоззренческую функцию и поставляет выполнять эту функцию официальных иерархов... Святейший Синод... Съезд КПСС... Правы наши респонденты, получается, во всем. А как иначе?

Отсюда – иной разворот темы. Какие типы ценностных ориентаций присутствуют в современном обществе? Их ведь не так много. Не претендуя на полноту, перечислим несколько: проект эпохи Просвещения (знание – сила, прогресс, наука), либеральный проект (свобода – и этого достаточно), несколько проектов мировых религий (уточнить и комментировать которые неуместно) и, наконец, американская мечта (труд, благосостояние и достоинство, ведущие ко все большему благосостоянию и более достойному достоинству). За каждой из ценностных систем стоят свои социальные силы. Но вот мы заглянули

в глубину российского подсознания – и оттуда донеслось странное: духовность. В качестве публичного лозунга – слово затасканное и осмеянное, но вот оно выговаривается не как этикетка в публичном дискурсе, а пытается дотянуться своим значением до того, для чего слова еще не найдено... Ясно только, чем эта “духовность” не является: это не мечта о благосостоянии (хотя ясно, что не призыв к нищете), не воля к просвещению (хотя видно, что не к мракобесию)... А что же?

На этот вопрос пока не ответить. Подсознание – штука недопроговоренная, пирог испеченный, алмаз неограниченный... Может быть, заглядывая в него с разных сторон, примериваясь к разным граням идеи, нам удастся больше узнать о том, что творится под покровом общественного мнения? Вопрос почти риторический. Чтобы ставить его твердо, спросить надо так: а мы хотим узнать больше? нам интересно?

Подсознание – штука недопроговоренная, пирог испеченный, алмаз неограниченный... Может быть, заглядывая в него с разных сторон, примериваясь к разным граням идеи, нам удастся больше узнать о том, что творится под покровом общественного мнения?

у нас хватит сил эти вопросы ставить (не говоря уж о том, чтоб решать) – или не до того? Очень может быть, что у нас так много работы, забот и проблем, что не до подсознания. Если рванет, так рванет, не впервой – а может, и не рванет... Тоже не впервой – пугали уже, всем пугали. Теперь вот подсознание какое-то. Не до него.

Это и есть вакуум мировоззрения. А что может по поводу подсознания сказать его собственное общественное сознание – просвещенное, артикулированное и рациональное?

Оно может сказать самые разные вещи. Может ужаснуться (или возрадоваться) тому, что люди ощущают вакуум на месте партийного идеологического контроля; может испугаться упорно живущего коллективизма (или обнадежиться им); может восхититься тягой общества к пастырской руке церкви – или вознегодовать по поводу религиозных пережитков “в наше просвещенное время”. Все это были бы готовые социальные позиции, готовый ответ разных частей того многоголосия, которое и составляет общественное мнение.

Когда это станет (или не станет) достоянием дискурса, станут возможны статистически достоверные обследования, исчисления голосов “за” и “против” – все то, что можно охарактеризовать в рамках метафоры “прицела”, распространенной среди социологов. Как воин смотрит на мир через прицел, так социолог смотрит на мир через много-

мерную систему координат, переменных, в своей совокупности отражающих различные понятия, характеризующие социальную реальность. Это придет потом, если придет, – а мы пока смотрим на мир невооруженным глазом, дабы склонить этот мир к мирным способам решения конфликта. Нам интересно не “отреагировать”, а обнаружить занимательнейший факт: как из глубины сегодняшней жизни всплывают ожидания людей, постепенно оформляясь в социальную силу – общественное мнение. ■